

У осени выманивала посох
Зима на протяжении двух недель.
Я растворился в дождевых распросах,
Встречая хладнокровную метель.

Я видел, как ложатся солнца дроби,
Как час рассветом был перерождён,
Как ночь ползком на тающем сугробе,
Отдавшись лужам, провожала сон.

Ввысь испарялись призрачные нови,
И в прошлое открыт был тайный ход,
Где ждал гостей, извечно наготове,
Ключарь блаженный у земных ворот.

Благотворец

*Схиархимандриту
Власию (Перегонцеву)*

И солнца луч мертворождён,
И холод нагнетает пытки,
И всё же требует подпитки
Листва, спадающая с крон.

Скажите мне: а можно ей
Чего-то требовать в приплясе
И падать в дождевой проказе,
Забыв о крепости ветвей,

И умолять—кого? о чём?
Листвы смердеет позолота,
И время вьюжного подлёта
Предсказано календарём.

И что листва оставит нам?
Кого, прощаясь, обессилил?
Кто будет, раненный навылет,
Вверять болезни образам?

И чья смиренно теплота,
Когда рассвирепеют стужи
И станет всем безвольно хуже,
Летит сквозь темень от скита?

Кто в разночтенье катавасий
Окажется с тобой вблизи?
Ты сердце тихо распроси—
Оно ответит: старец Власий.

Молитвами не требуешь ты льгот,
Ты кажешься себе малоимущим,
Идущим день и ночь к священным кушам,
Где именитый Кто-то вечно ждёт.

Ты веруешь: Он—Альфа и Омега,
Он в тайной тридевятой стороне
Выходит неожиданно извне,
И полон мир архангельского снега.

И духовитой памятью сновидца,
Не замечая происков шептух,
Ты не хотел бы с Ним объединиться?
—Хотел бы. Я один из Его слуг.

Я шёл к тебе—и становился старше,
И прятал чувства в сумерках земных,
Где двое огневых сторожевых
Хранят извечно слово *патриарше*,

Где сходятся обрывы разных линий,
Где знают всё о мире и о нас,
Где вечный свет Спаситель нам припас
И жизнь моя не кажется рабыней,

Где так ясны три тысячи поверий,
Где собраны мольбы монастырей,
Где ты стоишь у золотых дверей
И ждёшь меня в преддверии мистерий.

День сухо говорит со мной, покуда
Его не сменит дождевая тьма,
И вдаль его погонит листьев гряда,
И свистнет хладнолицая зима.

И млечный свет мне ляжет на оплечье,
И мир накроет дымкой снеговой,
И тьма найдёт обличье человежье
Безумной юной девушки с косой.

С ней наши встречи будут неслучайны,
И в жадном преткновении сердец
Две тени унесёт, рассеяв тайны,
Предзимья ключник—молодой снежец.

Венец

Иеромонаху Макарию (Комогорову)

Меча неведомого сила
Вошла в меня по рукоять.
Скажи, когда всё это было?
Мне больше нечего терять?

И почему на перекрёстке
Священных праведных путей
Не вижу русских я людей,
А лишь огонь в кровавом воске?

И почему мой дух-кромешник
Стоит один у Царских врат,
Скрывая поугасший взгляд,
Сжимая вечности трёхсвечник?

И почему от колоколен
Исходит звучный перезвон?
И почему я вечно строен
И в крест святой перерождён?

● ● ●
Хранитель, объясни и напиши,
Мне не понять течение нашей жизни.
Мы гибнем в затяжной дороговизне,
Мы в пересудах только хороши,
Не думая о страстной укоризне.

Случалось, я бросал и предавал,
И путались у ног моих интриги,
Но не был я героем высшей лиги —
Я брал на миг недолгий интервал
И силы черпал из отцовской книги.

Я жизнью громкой пропитался вволю,
Я вдаль смотрю, ни капли не дрожа,
Сердито пью и, закусив с ножа,
Иду на свет по царственному полю,
И надо мной — святые сторожа.